

М. Некрасова
**ТОЛСТЫЙ
ПРОТИВ ПОХИТИТЕЛЯ ДРАКОНА**

ЧЕРНЫЙ КОТЕНОК

Мария Евгеньевна Некрасова
Толстый против похитителя дракона
Серия «Толстый», книга 6

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184176
Толстый против похитителя дракона: Эксмо; М.: 2009
ISBN 978-5-699-33434-6*

Аннотация

Саша Уткин обрадовался приглашению на форум молодых художников. Правда, он не догадывался, что ему придется заниматься там не рисованием, а расследованием... Из музея гостиницы исчезли ценные экспонаты вместе со странной скульптурой железного дракона. Первым понял, что произошла кража, именно Саша, ведь его крыс по кличке Толстый нашел в лифте одну из пропавших фигурок. Однако догнать хитрого вора не удалось. Теперь его можно только вычислить. И, кажется, Уткин – единственный, кому под силу решить эту задачу...

Содержание

Глава I	4
Глава II	8
Глава III	11
Глава IV	15
Глава V	21
Глава VI	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мария Некрасова

Толстый против похитителя дракона

Глава I

Нашествие тети Музы

Дружно спикировали с полки зубные щетки, мыло вальяжно плюхнулось под ноги. Дробью, как дождь по крыше, осыпался потолок. Тонкого царапнуло по уху, Толстый успел укрыться у хозяина за пазухой. Древняя стремянка под Муратом поскользнулась, но устояла.

Мурат, стоя на стремянке в позе жокея, удовлетворенно осматривал руины. Как будто все три дня, которые он ремонтировал ванну у тети Музы, он стремился именно к такому результату, и вот наконец...

Помогая себе руками, он отскакал на стремянке от опасного места и произнес:

– Аб-ва-а-л!.. – Прозвучало солидно, как если бы Мурат знакомил Сашку с каким-нибудь важным и уважаемым старейшиной: «Аб-ва-а-л Расулзода!» – Панельку подай, мальчик.

Тонкий взял потолочную панель и протянул ее наверх Мурату. Рабочий принял панель (Спа-си-и-бо), ловко вставил один ее конец в пазы и потянулся ко второму.

– Романтик! – процедил сквозь зубы Тонкий. – В ней два метра!

Не дожидаясь, пока наивный Мурат ухнет на пол, Тонкий шагнул на стиральную машину, подхватил второй конец и под крики: «Рав-ней! Крива вставим, раз помоешься – косой будешь!» – водворил панель на место.

Мурат, радуясь, что у него наконец-то появился помощник, картинно похлопал в ладоши и погладил установленную панель:

– Харашо – дружно! Давай второй!

Тонкий подумал, что раз уж взялся – надо помогать до конца, и еще: где ходят Муса с тетей Музой? Они отправились на рынок еще с утра. Честно говоря, уже пообедать неплохо бы...

Сколько нужно времени одному рабочему и одному старшему оперуполномоченному, чтобы купить плитку в ванную? Сашка окинул взглядом погром, который устроили они с Муратом, и подумал, что времени тете Музе с Мусой нужно очень и очень много.

Старший оперуполномоченный – хуже бабушки. Армейский порядок во всем! Тонкий не сомневался, что, если бы тетя Муза поехала на рынок одна, плитка пришла бы в дом сама, причем строем и с песней. Но тетя поехала не одна, а вовсе даже с Мусой. А это – романтик покруче Мурата. Тетя Муза плитку, конечно, построит, но под командованием романтика Мусы строй опять рассыплется... В общем, эти двое могут ходить по рынку хоть до утра, и помощи сейчас ждать неоткуда.

Сашка подхватил вторую панель, и под ободряющие крики Мурата: «Давай-давай, ровна, ровна!» – они быстренько загнали ее в пазы.

На полу валялись еще пяток таких же панелей и мыло. Тонкий на него поглядывал-поглядывал, подумывал, что неплохо бы убрать, но только руки каждый раз оказывались заняты очередной панелью.

В замке заскрежетал ключ.

– Мы пришли! – крикнула тетя из коридора. Сейчас даст на орехи: она ведь еще не видела обвалившегося потолка.

Тетя с Мусой направились к ванной, они несли в обеих руках по пачке напольной плитки.

– Зеленая, – доложила тетя, роняя пачку на порог ванной.

– В гарох! – уточнил Муса и глянул на потолок...

Моргнуть Тонкий вообще-то успел. Успел даже зажмуриться, но быстро передумал, поэтому видел все.

Рассматривая потолок, Муса решительно шагнул на кусок мыла. Само собой, поскользнулся и ухватился за стремянку Мурата. Мурат замахал руками, пытаясь то ли взлететь, то ли удержаться. В результате схватился за крючок для душа. Крючок был старенький и требовал ремонта не меньше, чем злополучный потолок. Громко щелкнув, он оторвался от стены и полетел вместе с Муратом на Тонкого. Тонкий спрыгнул со своей стиральной машины, наступил на многострадальное мыло, ухватился за падающую стремянку...

Потолок осыпался шумно, дробью, как дождь по крыше. Муса и Мурат лежали на полу валетом, Тонкий стоял на коленях, держа за ножки стремянку. Верный крыс у него за пазухой нервно шебаршился, но морду не высовывал. Тетя Муза застыла в дверях, она угрюмо разглядывала всю эту картину. Увидела панели на полу, увидела вмятину на потолке, которой еще утром не было, и поняла:

– Это вы с утра так веселитесь, да?

Дело запахло взбучкой, и Толстый первый это понял. Выскочив из-под Сашкиной майки, он подхватил злополучное мыло и улепетнул в прихожую. Тонкий хотел последовать его примеру, но мешала стремянка в руках. Тяжелая и неустойчивая. Она опасно накренилась в сторону тети. Чтобы ее удержать, нужно было встать. Чтобы встать – отпустить ножки. А ножки отпустишь – уронишь стремянку...

– Не бойсь, все поправим!... – Старательный Мурат вспрыгнул на стиральную машину, задев Сашку плечом. Этого хватило, чтобы Тонкий не удержал выскальзывающие ножки. Обретя свободу, стремянка шкрябнула по стене и счастливо рухнула рядом с Мусой. Лежащий на полу Муса философски погладил облупившиеся ножки:

– Какой худой дэвушка!

Под строгим взглядом тети Музы он бодро вскочил, одновременно подняв стремянку, и белкой забрался наверх:

– Давай панель, Мурат!

Сашка выбирался из ванной на четвереньках. Тетя Муза так и стояла в дверях, и лицо у нее было такое, что он понял: на глаза ей лучше не попадаться.

– Встань!

Тонкий поспешно выпрямился и вышел наконец в коридор, прошествовав мимо рассерженной тети Музы. Внутренний голос мерзко нашептывал ему, что кто-то сейчас получит. Раздался тетин голос:

– Умойся на кухне и помоги мне собраться.

– Куда?

– К вам, – безапелляционно ответила тетя. – Буду спать в твоей кровати, смотреть дурацкие сериалы на дедушкином компьютере, путаться под ногами у бабушки на кухне и всячески отравлять вам жизнь, пока не закончится ремонт.

Тонкий ошарашенно смотрел на тетю Музу. Он понимал: она не совсем шутит, тетя серьезна как минимум в одном: она действительно собирается пожить в квартире у Тонкого, пока Мурат с Мусой громят ее собственную.

– Ленкину косметику таскать тоже буду, – вспомнила тетя Муза и подтолкнула Сашку к дверям кухни. – Давай в темпе.

Так разбиваются молодые жизни. Так рушатся надежды на спокойный вечер дома в обществе строгой бабушки, верного крыса, не в меру демократичного деда и чокнутой сестры.

Тонкий вытерся кухонным полотенцем, вышел в коридор и тут же получил первое боевое задание:

– Возьми на антресолях мой рюкзак и тащи в комнату. Потом позвонишь бабушке, обрадуешь ее, пока я буду собираться. Бегом!

Потолки в коридоре высокие, одной табуретки оказалось мало. Сашка подтащил стул (все равно низко), маленький столик (сойдет). Поставил, шагнул...

Ножка стола, наверное, выдержала бы Тонкого, но это если бы верный крыс нашел другое место для притыренного куска мыла. А так столик выскользнул из-под ног, будто живой. С криком: «Толстый, убью!» – Сашка схватился за полку антресолей и повис. Так и висел, пока тетя Муза не вышла на крик.

Презрительно посмотрев на болтающиеся ноги, она вернула столик на место и заметила:

– Сейчас не время для физподготовки. Во-он тот красный рюкзак возьми. – Подобрала мыло и пошла себе дальше по коридору.

Тонкий достал с антресолей пыльный рюкзак, вытряхнул его на голову предателю Толстому (этот паршивец сидел внизу, сложив лапы на пузе, и смотрел, как страдает хозяин), слез и поплелся к телефону, чтобы обрадовать своих.

Бабушка отреагировал спокойно: «Хорошо, я приготовлю раскладушку, поставлю в холле», но Саня слышал, как фоном вопит Ленка: «Спасайся, кто может!» – и радовался, что не одинок.

– Я готова. – Тетя Муза вышла в коридор со своим рюкзаком.

Мурат и Муса дисциплинированно стояли в дверях ванной, провожая хозяйку. Тетя Муза оглядела их с головы до ног и пообещала:

– Я буду заходить каждый день. Пошли, Саша.

Тонкий подобрал верного крыса и двинулся к выходу.

– Приехали?! Ну наконец-то, дед Сашку заждался! Здрасьте, тетя Муз. Зайди к деду, предатель! – Ленка скакала вокруг галошницы, отыскивая тапочки для тети Музы. Физиономия у нее была обиженная, но с хитринкой, Тонкий не усомнился, что кого-то здесь ждет сюрприз.

Почему это, интересно, их заждались, и с какой стати Сашку называли предателем?

– Не тараторь, Лен, – попросил он, отбирая у сестры старый дедов шлепанец, который она уже нацелилась выдать тете Музе. – Объясни толком!

– К деду зайди, он тебе объяснит! – Ленка отобрала шлепанец обратно и достала к нему пару. – На, тетя. Он тебя куда-то хочет услатить на неделю. Если ты меня не возьмешь...

– ...То отдохну спокойно один, даже в ссылке, – закончил Тонкий, но шлепанец отбирать не стал.

Если он уезжает (интересно, куда?), а Ленка остается, то будет несправедливо лишать сестренку хоть такой маленькой радости: напялить на тетю Музу старые дедовы шлепанцы. Где она хоть откопала эту красоту?!

– Ну и пожалуйста! Предатель! – припечатала Ленка и убежала к себе.

Тонкий проводил тетю в холл, сдал ее бабушке, и просочился в дедову комнату.

– Санек? – Дед оторвался от монитора и кивнул Сашке на кресло. – Ты вот все ремонты делаешь и ничего не знаешь! А мы с тобой завтра едем на форум молодых художников.

«Форум молодых художников» – звучало из уст бабушки, которому скоро исполнится восемьдесят, довольно экзотично. И в любом случае дед мог хотя бы посоветоваться, прежде чем отправлять его, Тонкого, на этот форум.

– Ты хоть бы предупредил, – проворчал Тонкий. Верный крыс выбрался к нему на колени и солидарно зашевелил усами.

Санек заглянул деду через плечо в надежде прояснить ситуацию (куда хоть высылают?!). На мониторе было только окошечко «аськи». *На втором уровне убей дракона, и...* – успел прочесть Тонкий.

– Не туда смотришь. – Дед торопливо схлопнул окно и открыл страничку форума. – Я послал некоторые твои работы и сегодня получил приглашение. Там ребята со всей страны, мастер-классы, конкурсы...

– Ты послал мои работы?! – От возмущения Тонкий даже не знал, что еще сказать. Конечно, форум молодых художников – это здорово. Приятно, когда популярные художники находят время с тобой позаниматься, и вообще. Но, извините, по какому праву бабушка рылся в Сашкиных рисунках да еще куда-то их посылал, не спросив! И работы выбрал не самые удачные... Вот они – лежат на столе, видимо, дед их отсканировал. А теперь он ставит Сашку перед фактом: «Мы с тобой едем...» Может, Тонкий и ехать-то не хочет?! Может, у него другие планы?! Неприятно это, когда решают за тебя.

– Сюрприз хотел сделать. – Дед обернулся через плечо и посмотрел на Сашку невинными глазами. Толстый так делает, когда его застанут за поеданием учебника.

– Сюрприз удался, – проворчал Тонкий, демонстративно глядя в окно. Бабушка не маленький, сам небось понимает, что не прав. На всякий случай Тонкий уточнил:

– Мог хотя бы меня спросить!

– Тогда бы сюрприза не получилось! – добил бабушка, и у Тонкого появилось что возразить.

– А тебя на бабушке тоже без тебя женили? Типа сюрприз?! – Резко, зато доходчиво. Сейчас дед устыдится и все поймет...

– Ну ты сравнил! То картины, а то...

– Мне картин вполне хватит, – огрызнулся Тонкий. – Я бы, кстати, выбрал другие, а эти старые, странно, что их вообще...

– Хорошо, хорошо, – закивал дед. – Убедил. Больше не буду. Не хочешь – никуда не поедем...

– Нет уж, поедем! – отрезал Тонкий и уселся плотнее на подлокотник дедова кресла. На форум-то хотелось...

– Тебя не поймешь. Ну смотри, тут все.

Тонкий уставился на веб-страницу. Сайт пестрил рекламой акции «Форум молодых художников-2008. Каждому таланту – по портрету!» Правила участия в форуме (Допускаются выбранные жюри художники моложе 16 лет в сопровождении взрослых) и фотки. Маленькие снимки-иконки знакомых до боли картин.

– Это Корсаков, – показал дед, тыча пальцем в одну, – а это Соросов, узнаешь? А еще Иванов, Лебедев... Они будут вести у вас мастер-классы.

Фамилии были хорошо знакомы и картины тоже.

– На неделю поедем в Белые Сосны, – вещал дед. – Природа, деревья, холсты...

Тонкий зачарованно уставился на экран. От злости на бабушку не осталось и следа.

– Когда едем-то?

– Говорю ж, завтра.

Тогда бегом собираться!

Глава II

Каждому таланту – по портрету

Вставать пришлось еще раньше, чем в школу. Тонкий – человек бывалый, ради хорошего дела может и потерпеть. А вот дедушку, который последний раз слышал звуки будильника в девяносто втором году, этот факт возмутил до глубины души.

– Автобус уходит в девять часов, – ворчал он, кромсая батон на бутерброды. – В девять! Этак не художники соберутся, а сонные мухи. Разве можно так мучить живых людей, Санек?! – Он так смотрел на Тонкого, как будто надеялся получить ответ на все животрепещущие вопросы. В чем смысл жизни, зачем продают глазированные сырки в школьной столовой, если они все равно украсят пол, и, конечно, для чего так рано вставать?

Тонкий только дернул плечом. Он писал тете Музе инструкцию по уходу за Толстым (должен же кто-то за ним присматривать, пока Сашки не будет?) и споткнулся на слове «фри-касе». Как его правильно писать-то? Бабушка уже уехала в университет (кому каникулы, а кому и сессия), сам Толстый, почуяв неладное, где-то спрятался и не собирался выходить. Будить Ленку – ищи дурака, а дед занят бутербродом и вечными вопросами. В общем, спросить было решительно некого. Сашка написал: «Корми хорошо», – и успокоился. Собрался он еще вчера и попить чаю тоже уже успел, так что теперь сидел и ждал, пока дозавтракает дедушка. На кухонных часах щелкала секундная стрелка. Опоздаем? Не должны. А выйти из дома все равно не терпелось. Две станции метро, и здравствуй, загородный автобус, который повезет форумчан в загадочные Белые Сосны. Там сугро-обы небось! Тонкий догадался положить в рюкзак маленькие лыжи, чему был ужасно рад.

На улице было по-зимнему темно и по-новогоднему нарядно. Гирлянды на деревьях, снежинки на витринах и окнах домов. Может, и на Новый год в Белых Соснах остаться? Бабушка не одобрит, но уговорить ее можно.

Тонкий замечтался, и дед, наверное, тоже, потому что они чуть не проехали свою станцию. Выскочили из вагона в последнюю секунду, чуть не сбив с ног входящих. Сашка получил по коленкам чьей-то клюкой и почти проснулся.

– Нам туда! – дернул он деда, уже собравшегося на выход не в ту сторону, и побежал впереди.

Переход, переход, эскалатор, лестница, и хочется, как матросу на мачте, орать: «Земля-я-я!» Автобус до Белых Сосен Тонкий заметил сразу: эмблема и слоган форума красовались на обоих бортах и даже окнах. За рулем читал газету водитель, в салоне уже сидело несколько ребят с родителями. У задней двери двое парней вносили коррективы в оформление автобуса. Один стоял, прикрывая спиной, чтобы прохожие не обрадовались раньше времени, другой что-то наклеивал на борт автобуса. Тонкий обошел их и подсмотрел: парни где-то сорвали плакат-наклейку с рекламой средства от синяков. С плаката улыбалась физиономия, разукрашенная аж двумя фингалами. Слоган «Каждому таланту – по портрету» теперь сопровождался красноречивой иллюстрацией.

– Что там, Сань? – крикнул на всю улицу дед и спалил всю конспирацию. Парни покоились на него, быстренько доклеили уголок плаката и, хихикая, нырнули в автобус.

– Доходчиво, – оценил дед плоды их трудов. – Видишь, а ты боялся, что будет скучно!

Тонкий ничего такого не боялся, но спорить не стал, а скакнул в автобус. Родители и школьники сидели порознь. Впереди блестили лысины и пушились огромные шапки, сзади мелькали яркие бейсболки и спортивные «петухи». Тонкий усадил деда вперед и пошел к народу.

– Плюсадин! – крикнул парень, который приклеивал к автобусу портрет с фингалом, подвинулся и протянул руку:

– Леха.

– Семен. – Не дал Тонкому ответить второй, а потом еще трое и две девчонки хором представились так, что ни расслышать, ни запомнить.

– Саня. Можно Тонкий.

– А Толстый нельзя? – хихикнул Леха.

– А Толстый дома, – не обиделся Сашка.

Леху такой ответ вполне устроил, но вопросы еще не кончились:

– А ты лепила, мазила, долбила или ковыряла?

Саня завис на добрую минуту, пока не сообразил: скульптор, художник, любитель чеканки или резьбы по дереву. О загнул!

– Мазила.

– С нами на мастер-классе будешь! – одобрил парень в ярко-зеленой ушанке (Тонкий не расслышал, как его зовут).

– Ну-ка, двигаемся, молодежь! – По проходу к задним рядам протискивался упитанный седой мужчина. Он задевал сидящих портфелем, долго извинялся и продолжал свой путь.

– Родители впереди! – возразил парень в зеленой ушанке, но седой как будто его не расслышал. Дойдя до конца салона, он смахнул с длинного заднего сиденья невидимую пыль и чинно приземлился, потеснив Ушанку и двух девчонок.

– Александр Семенович, – отрекомендовался он и только тогда повернулся к Ушанке: – Никому из вас не родитель, прошу заметить.

Тонкий напряженно разглядывал пришельца: если не родитель, то, скорее всего, художник. Или скульптор. Или этот... долбила-ковыряла... Лицо и знакомое, и не. Такое можно увидеть и по телику в новостях культуры, и во дворе, и просто на улице. Таких Александров Семенычей – миллион. По вечерам они дружным кортежем возвращаются с работы, заезжают во дворы. Они вальяжно выбирают из своих «Деу», стареньких, но всегда чистых и отполированных, без единой висюльки на зеркале. Они нарочито небрежно щелкают брелоком сигнализации и с неторопливым достоинством тихоокеанского парохода бредут к своим подъездам. Иногда здороваются. Не как все нормальные люди «Здрасьте-здрасьте», а как-нибудь этак: «Добрый день» или «Мое почтение»... Еще они очень любят возмущаться, если во дворе орут дети или лают собаки, если в подъезде кто-то накурил или просто не придержал им дверь... В остальное время их почти не видно, разве какой-нибудь такой Александр Семеныч нечаянно опоздает на работу да и засветится во дворе часов в двенадцать дня.

Тонкий смотрел на Александра Семеновича и не мог в нем узнать никого из телика. За ребятами тоже было интересно наблюдать: Леха и Семен, судя по напряженным лицам, тоже пытались узнать в незнакомце какого-то известного лепилу, мазилу, долбилу или ковырялу. Парень в зеленой ушанке так и сидел с открытым ртом: его замечание насчет взрослых впереди проигнорировали, и он, кажется, очень хотел ответить, но еще не придумал что. Девчонки откровенно возмутились, что их без лишних слов потеснил какой-то седой неизвестно-кто-но-точно-не-родитель, и не постеснялись высказаться:

– Поосторожнее нельзя?!

– Прошу прощения. – Александр Семенович сделал вид, что подвинулся. Девчонки ничего не сказали. Леха, укрывшись за Тонким, надул щеки, передразнивая пришельца, и тоже сделал вид, что подвинулся. Семену затея понравилась, он оттянул передние карманы куртки, изображая живот, надул щеки и обвел пассажиров покровительственным взглядом:

– Я никому из вас не родитель!

Автобус дернулся, трогаясь, и в объятия Александра Семеновича свалился пяток новых ребят. Они только вошли и сесть не успели, а когда автобус тронулся, дружно полетели вперед носами.

– Здрасьте! – Парень в полосатой куртке отлип от Александрасеменовичева плеча и протянул руку:

– Толян.

Александр Семенович, конечно, пожал, но лицо сделал такое, будто это не рука, а хвост мурены.

– Александр Семенович. Возможно, буду вести у вас мастер-класс.

– Да? – удивился Толян. – Я думал, вы молодой художник.

Вслед за Толяном начали знакомиться другие ребята, поэтому Тонкий не расслышал, что ответил Александр Семенович.

А все они между тем ехали. Московская пробка быстро сменилась подмосковной узкой дорожкой с деревьями и сугробами по бортам. Зеленая ушанка (Сергея, в этот раз Тонкий расслышал) и Толян тут же высунули в окно фотоаппараты. Может, с фотки потом будут рисовать, может, так оставят.

– Закройте, дует же, – робко заметил Александр Семенович, но никто даже не обернулся. Светка рядом с ним красноречиво пожала плечами, и вопрос был исчерпан. Даже «лепилы» Славик и Димон понимали «мазил» и не ворчали насчет открытых окон в декабре. И родители впереди не возмущались.

Тонкий побрел в голову автобуса, чтобы взять свой фотоаппарат у деда в сумке. И опоздал! Дед, высунувшись в окно, сам отщелкивал пейзаж. Родители, кстати, тоже не теряли времени: одни отщелкивали, другие давали советы под руку детям, третьи просто участливо наблюдали. Только чей-то папа в смешной клетчатой кепке непонятливо озирался вокруг. Лицо у него было такое: «Куда я попал? С ума, что ли, все посходили?»

Глава III

Дружба народов в одном драконе

Огромный сугроб уходил на километры вперед и сливался с небом за линией горизонта. От роя деревьев, черного на фоне снега, рябило в глазах. Чуть правее можно было разглядеть пеньки-избушки, и ни души...

– А я тебе говорю, кабаны здесь водятся, – настаивал Серега. Он уже разобрал рюкзак, выяснил, кто соседи и что на обед. Рассказал всем, что приехал с дедом, остановился в Москве у родственников, потому что дед до последнего не верил, что на форум Серегу возьмут. Наигрался с выключателем в шкафу и жаждал приключений:

– В таком лесу, да чтоб никто не водился? У нас в поселке знаешь какие кабаны? Во! – Он показал высоту себе по пояс и хрюкнул для убедительности. – Вкусные, – добавил он, помолчав. – Но только если ты с ружьем. А нет – лезь на дерево сразу...

Тонкий стоял у окна и медитировал на лес. Действительно, большой, что тут скажешь. И место тихое, если не считать их гостиницы и во-он той стайки домиков, человеческого жилья больше и не видать. Хотя контингента гостиницы может хватить, чтобы кабан, ломая ветки, убежал к Сереге в поселок.

– Да ну, в гостинице народу много, шум...

– Тоже мне много! – возмутился Серега. – Семь этажей, комнат по пятнадцать на каждом... Не, у нас больше и лес ближе. А кабаны...

Из Сашкиного рюкзака, лежащего на кровати, вылез Толстый и устался на Серегу, шевеля усами, как будто хотел послушать про кабанов. Серега тоже сел на кровати и устался на Толстого, ничем особо не шевеля. Только глаза хлопали. Тонкий с досадой махнул рукой:

– Дед!

– Это его так зовут? У тебя что, брат в армии?

– Не, – Саня поспешил объяснить. – Я хотел оставить его дома, а дед заладил: «Тетке твоей крысу на растерзание не отдам, пофиг мне гостиничные правила». И притащил с собой потихонечку...

Серега закивал и взял Толстого в руки:

– Мелочь пузатая. У нас знаешь какие крысы? Во! – Он показал размер Толстого и еще столько же отмерил рукой. Толстый оскорбленно вывернулся и удрал под подушку.

Вовремя, потому что в дверь постучали. Не дожидаясь ответа, нажали ручку, и появилась Леночка. Она смешно называлась «Воспитатель группы», как в детском саду, и вела себя так же. Ни «здрасьте», ни «можно». Встала на пороге, похлопала в ладоши над головой:

– Собира-емся на выставку! На первом этаже через десять минут! – Она говорила так, как будто перед ней не два подростка, а человек пятнадцать и все шумят, поэтому приходится кричать и размахивать руками.

– Идем, – ответили хором ребята, как и положено воспитанной группе детского сада. Леночка довольно упорхнула.

Тонкий перепрятал верного крысу в рюкзак и решил, что готов.

– Андрюху из шкафа вынь, – напомнил Серый.

Шкаф в их номере был встроенный, не современный купе, а древний, выкрашенный масляной краской, с дверями на петлях. А над шкафом – антресоли. Глубокие, бездонные, сиди хоть с открытыми дверями – из комнаты тебя не видно. Андрюха как увидел, так и полез на разведку. До прихода Леночки там и сидел.

Тонкий встал на стул, заглянул на антресоли и чуть не упал. Он увидел темно-коричневую обезьянью физиономию, оскаленные клыки, горящие в темноте глаза... Он уже сообразил, что это маска, а все равно было жутковато.

– Слезай, Годзилла. – Тонкий ущипнул маску на лбу: оттянул и щелкнул. – Леночка зовет выставку смотреть.

Андрюха запоздало завыл, но Тонкий уже спрыгнул с табуретки. Кряхтя и шурша каким-то мусором, Андрюха в маске вылез на волю и пошел себе к выходу.

– Маску-тоними! – заржал Серега.

На первом этаже уже начиналась движуха. Родители и художники организованно толпились у входа в небольшой зал, но внутрь не заходили. Через плечо впереди стоящих можно было разглядеть картины и лица, которые Тонкий раньше видел только по телеку и в журналах.

– Смотри, Санек, там работы Петракова. – Дед (когда успел подойти?) дернул Сашку за рукав и развернул в нужном направлении, показывая картины.

В дальнем углу за стеклянной витриной действительно стояли натюрморты Петракова. Поодаль, в маленькой стеклянной витрине, – незнакомые деревянные фигурки и здоровенная железная каракатица.

– Это моя скульптура «Дружба народов», – похвастался уже знакомый голос. Александр Семенович. Рядом. Стоит на цыпочках, из-за дедовой спины любуется на свою скульптуру. Тонкий вглядывался в железные щупальца, но на таком расстоянии не смог разглядеть в каракатице ни народов, ни дружбы.

На переднем плане вместо каракатицы возникла Леночка, захлопала над головой в ладоши, призывая к порядку:

– Сейчас охрана снимет оцепление, заходим медленно колонной по одному и становимся вон у той витрины.

Оберегая ноги и бока, Тонкий с дедом кое-как вошли в зал. Зал был действительно маленький: толпа художников и родителей заняла почти все свободное от картин пространство. А что осталось – занимала елка. Огромная, под потолок, она пахла хвоей на весь зал и блестела-переливалась игрушками. Тонкий чувствовал себя как на «Рождественской вечеринке» в «Щелкунчике», вон и оловянные солдатики построились... У каждой витрины стоял автор или экскурсовод из музея. Многие пришли с охраной, действительно похожей на оловянных солдатиков. Мундиры, конечно, не те, да и не мундиры, а костюмы, а все равно похоже.

Александр Семенович залез за ограждение и гордо занял позицию у своей «Дружбы народов». Теперь Тонкий разглядел в каракатице шипастого дракона с невероятным количеством голов и лап. Каждая голова, видимо, символизировала свой народ, во всяком случае, Сашка нашел одну в пейзажах и одну с самурайской косичкой. Хотя, может, это у дракона такие усы...

– Тише-тише! – Леночка опять замахала руками. – Сейчас авторы нам расскажут о своих произведениях...

И авторы рассказывали. Они сыпали сведениями о размерах холста (скульптуры), материалах, сроках работы, и какое яблоко на натюрморте что символизирует.

Дед рядом с Тонким откровенно скучал. Андрюха в маске Кинг-Конга – тоже. Наверное, художники не видели его из-за толпы, а может, просто стеснялись сделать замечание. Во всяком случае, никто на Андрюху внимания не обращал.

Женщина библиотечарского вида рассказывала историю о местном белососновском мастере Андрееве, который выстругал эти деревянные фигурки, которые стоят в витрине. Мастер погиб на Великой Отечественной войне, а фигурки остались в местном музее. До

сих пор это чуть ли не единственные его экспонаты. Но женщина библиотечарского вида искренне надеется, что это только начало их музейной экспозиции.

Художники и скульпторы смущенно слушали. Александр Семенович не постеснялся на весь зал узнать, какова посещаемость музея, бывают ли там иностранные экскурсанты, и какие там условия хранения экспонатов, ну и какова стоимость фигурок мастера Андреева. Потом опять-таки на весь зал завел разговор о войне и героях – деятелях искусства. Женщина библиотечарского вида стеснялась поддерживать беседу, все-таки не за этим здесь собралась сотня человек, но Александр Семенович увлекся. Он поведал ей про своего деда, погибшего на войне, про себя, чтившего его память, и больше всего про свои работы, в которых отражается весь его, Александра Семеновича, патриотизм и гражданская позиция «За мир». Так плавно перешли к дракону, хотя библиотечарше, кажется, тоже было еще что сказать.

– Обратите внимание, мои юные друзья. – Александр Семенович достал ручку-указку и гордо ткнул в дракона. – Эта скульптура символизирует дружбу народов. Почему дракон? Потому что много голов, но тело-то общее! Общее сердце и лапы. Если одна голова потянет в одну сторону, другая в другую...

Тонкий понял, что не ошибся: и голова в пейзажах тут была, и с самурайской косичкой, и с балалайкой в зубах... Александр Семенович долго вещал. Дед с Андрюхой уже начали засыпать, а Леночка с художниками – откровенно перебивать. Прошло как минимум сорок минут, прежде чем взял слово следующий художник. Александр Семенович еще пытался отстоять позиции:

– У меня не все! Я не рассказал про историю происхождения! – Хотя рассказал он ее уже не один раз.

Тонкий устал стоять без дела и от скуки рассматривал соседей, экспозицию, зал, елку, решетки на окнах. Серега толкнул его в бок:

– Скажи, сколько здесь камер?

– Что?

– Камер наблюдения сколько?

Тонкий понял, что не он один мается от безделья, и стал искать камеры. Раз – над витриной Петракова, два – в противоположном углу, три – на стене между ними, вон еще одна...

– Пять.

– Не-а! – Серега победоносно задрал голову. – Восемь! И шесть у нас в коридоре, я посчитал! А снаружи на первом этаже – четыре: две в гардеробе и две в холле на входе.

– Ничего себе!

– Привычка, – пожал плечами Серега. – Если куда иду, первым делом камеры считаю.

– И много их у вас в поселке? – ревниво спросил Тонкий. Даже у него, начинающего оперативника, не было такой полезной привычки.

– В том-то и штука, что нет, – не обиделся Серега. – Как выбираюсь в город, там в кино или еще куда – сразу смотрю на камеры. Интересно же! Это у вас в Москве они на каждом шагу.

– На каждом шагу, – подтвердил Тонкий и просто не смог отказать себе в удовольствии: – Знаешь какие? Во!

Стоящий рядом Андрюха заржал так, что на него наконец обратили внимание. А в первую очередь обратили внимание, конечно, на его маску. И, конечно, первой внимание обратила Леночка. Шикая на весь зал, она подскочила к ребятам и громким шепотом принялась объяснять, почему они не правы и что им стоит немедленно покинуть помещение. Тонкий только плечами пожал и вышел. Обидно, конечно, так начинать первый день на форуме, ну да с кем не бывает. Серега его догнал: вот и не одному за дверью куковать. Уже в коридоре ребята услышали, как отчаянно сопротивляется Леночкиным санкциям Андрюха:

– Это потому, что я черный!

Глава IV

Веселый вечер

После ужина пришли девчонки, заявили, что им скучно, и шмякнули на стол крошечный магнитофон. С музыкой стало, конечно, веселее, а когда Андрюха спрыгнул с антресолей в своей маске, стало совсем весело. Визжали девчонки недолго, ровно до тех пор, пока из-под кровати не выбрался Толстый. Тогда они стали визжать уже по другому поводу. Потом пришел Толян с какой-то настольной игрой, Игорь и Димон с Фантой и дед – просто так. Все хотели веселиться.

Дед кормил Толстого печеньем и рассказывал анекдоты времен своей молодости. Толян, перекрикивая музыку, объяснял народу правила своей игры. Светка листала упавший с антресолей журнал, вежливо делая вид, что слушает деда. Все остальные тасовали карточки, раскладывали фишки и пытались научиться Толяновой игре. Леночка забегала каждые пять минут оценивать обстановку: «Увижу спиртное – убью», дед отработанным жестом только успевал прятать Толстого за пазухой пиджака. В общем, картина была самая что ни на есть мирная, когда раздался взрыв.

Хлопало, трещало, гудело и стрекотало совсем близко, как будто под ногами. За окном мигали разноцветные тени и грохотало, гремело, бабахало. Тонкий вскочил и побежал к окну: надо же, люди уже к Новому году готовятся! Снег, разноцветно-праздничный, искрил и переливался. И все гремело, гремело. За деревьями промелькнули фигурки двух подрывников и тут же скрылись, заслоненные спиной Толяна.

– Что там? – спросил он.

– Гуляют люди, – ответила Светка, меланхолично перелистывая журнал. Она единственная, кто не подскочил к окну посмотреть на фейерверк. Остальные толпились, оттесняя Тонкого и друг друга, наперебой выясняя, кто же это веселится, а их не зовет.

– Родители, точно говорю! – вопил Игорь. – Нам после десяти нельзя одним на улицу. Не выпустили бы никого, только их.

– А где тогда Семен с Лехой? – въедливо спросила Наташка, и все разом прониклись ее мыслью.

– Значит, и нам можно! Айда на улицу!

– Пошли!

– Только куртку возьму!

– Пока бегать будешь, все пропустишь.

– Я лифт держу, вы где?

Тонкий быстро, чтобы дед не успел опомниться, сунул ему ключ от номера и выскочил в коридор за Андрюхой. В лифте уже был Александр Семенович. Он сидел на диване, гордо положив руки на колени, и пытался спрятать ноги, как будто заранее боялся, что их отдавят.

– Езжайте, мы на следующем, – оценил Андрюха, и двери тут же закрылись.

Второй лифт подъехал уже с родителями, они смогли взять с собой только Светку. Тонкому с Андрюхой опять пришлось ждать... В общем, когда они выскочили на улицу, салют уже давно кончился.

– Ну я так не играю! – заворчал Тонкий, получая в лицо снежок, такой буднично-белый, что тоска брала.

Из глубины сквера уже возвращались ребята и родители, гомоня, как цыганский табор. Впереди шел охранник и вел перед собой за куртки Леху и Семена.

– Ну я ж говорил! – кивнул на них Андрюха. – А ты: родители-родители! – Хотя ни он, ни Тонкий ничего такого не говорили. – Значит, все-таки парни веселились!

И охраннику это пришлось явно не по душе. Они уже подошли достаточно близко, чтобы Тонкий расслышал, как тот ворчит:

– Где ваши родители? Вы в курсе, что нарушили правила безопасности?

Вот и посмотрели салют! Охранник прошел мимо Тонкого и Андрюхи, ведя потупившихся подрывников. Следом плелись все остальные, вполголоса переговариваясь на актуальные темы: что теперь будет и не значит ли это, что и на Новый год придется обойтись без салюта. Если уж так все строго, а?

Андрюха раздосадованно напялил свою обезьянью маску и потянул Тонкого обратно в гостиницу:

– Не май месяц, я околел уже тут стоять.

Сашка согласно поежился и тоже пошел.

– Я всегда говорил, что эти петарды – зло, – послышался из толчеи уже хорошо знакомый и поднадоевший голос. – Регулярно в новостях пишут: то палец кому-то оторвало, то стекло выбило... – Александр Семенович шел под руку с чьей-то мамой и вещал о непоправимом вреде, который нанесли человечеству петарды. – Я бы их вообще запретил!

Чья-то мама кивала, хотя давно не слушала, это было видно по ее лицу. Начни сейчас Александр Семенович рассказывать ей таблицу умножения, она и не заметила бы.

Тонкий вошел вслед за Андрюхой, придержал дверь Александру Семеновичу и уселся на диван в холле. Все равно сейчас в лифт не попадешь: посмотреть, что там взорвалось, спускалась, наверное, вся гостиница, и теперь все будут разъезжаться по номерам. Лучше уж тут подождать.

– Что случилось?! Я слышала взрывы?! – Из лифта навстречу потоку выбиралась Леночка. Как она-то могла все шоу пропустить, а еще воспитатель?!

Охранник помахал ей и кивнул на Семена с Лехой. Леночка устремила к ним, расталкивая встречающих родителей и ребят. Мама, которую грузил Александр Семенович, оказалась не чья-то, а Лехина. Она тут же кинулась Леночке наперерез и принялась доказывать:

– Мальчики ни в чем не виноваты, они мне все рассказали. Взрывное устройство они нашли в номере, в душе, представляете? Как работают ваши горничные? Это же безобразие!

– Свою голову надо иметь, – буркнул охранник. Рассеянно буркнул. Еще бы: не каждый день он слышит такие новости, петарды в номере, которые горничная ухитрилась не заметить! Хотя Тонкий, к примеру, не верил. Ну не бывает же такого, граждане! Заходишь в ванную, а там прямо лежит-ждет тебя куча петард. Большая куча, судя по тому, сколько времени длился салют, петардами должна быть завалена вся ванная комната. И табличка должна висеть: «Уважаемые гости! Приглашаем вас посетить аттракцион „Полет на унитазе“. Инструкция прилагается». Так, что ли?! Да горничная, когда приходит убираться, первым делом идет в ванную! Полотенца там поменять, еще что... Если парни действительно нашли петарды, то те там должны были появиться еще утром, сразу после уборки. В гостинице, кроме форумчан, никого нет. Значит, утром были только персонал и взрослые художники. Что ли, у Славика – дежурного по этажу – такие развлечения: подкидывать гостям петарды? Этак долго на должности не продержишься...

Леха и Семен могли бы придумать что-то более правдоподобное. Тонкому было обидно, как будто он сам устроил этот фейерверк и попался.

– Выгонят, – заявил Андрюха и плюхнулся рядом с Тонким. – Не могли вовремя смыться?

– Может, они не знали, что это запрещено, – с сомнением возразил Тонкий. – Праздник скоро...

Андрюха потер лоб обезьяньей маски, пожал плечами и кивнул на пяточок перед лифтами:

– Едем уже!

Далеко, у столика администратора, Леночка и охранник разбирались с подрывниками. Леночка отчаянно жестикулировала, Лехина мама жестикулировала в ответ. Тонкий подумал, что мама у Лехи с Семеном одна: может, братья, а может, просто дружат по жизни и мама Семена отпустила сына с Лехиной мамой... Правда ли это и что теперь будет, выяснится не раньше, чем расскажут Леха и Семен. Тонкий встал и побрел к лифту.

Андрюха улегся на кровать прямо в шлепанцах, Серый сел за стол у окна и что-то калякал в альбоме. Толстый методично воровал у него карандаши и складывал Сашке под подушку. Серега не замечал. Тонкий не возвращал, ждал, пока верный крыс перетаскает все, чтобы сто раз не вставать. Остальные ребята разошлись по своим номерам. Раз три заходила Леночка и уговаривала всех лечь спать. Раз три ей дружно отвечали «да» и продолжали свои нехитрые занятия. Откровенно говоря, при деле были только Серега и Толстый.

Когда последний карандаш отправился под его подушку, в Тонком проснулась жизнь. Она заставила его сесть на кровати, выгresti из наволочки все карандаши и сделать несколько шагов к столу:

– Держи. Любит он всякие деревяшки.

Серега поднял голову от альбома, глянул на карандаши в Сашкиной руке и ничего не понял.

– У меня есть, спасибо.

– Уверен? – хмыкнул Тонкий и положил карандаши на стол. Верного крыса он подхватил на подходе к столу и отчитал: – Не делай так больше.

Серега наконец понял, запоздало хихикнул и уткнулся в свой альбом. Андрюха изучал узоры на покрывале. Толстый обиженно шмыгнул под кровать. Тонкий улегся на кровать без всяких обид. Жизнь кипела.

– Давно что-то нас никто спать не гнал, – зевнул Андрюха. А в коридоре загромыhalo. Негромко, но гулко, будто кулаком по железу. Может, и не будто, надо проверить.

У лифта полукругом стояли несколько ребят, а сам лифт громыhal и ругался Леночкиным голосом:

– Что еще за шутки? Выпустите меня!

Светка вертелась ближе всех к лифту и пыталась заглянуть в щелочку, одновременно успокаивая воспитателя, как могла:

– Это не мы, Елена Владимировна! За дежурным по этажу уже пошли, сейчас он придет, вызовет мастера.

– У меня еще куча дел, а я здесь застряла! – плакалась Леночка. – Мастера вашего никогда не дождешься! Может, попробуете сами?

– Действительно, – заметил Александр Семенович (когда успел подойти?). – Может быть, поможем? – И многозначительно посмотрел на Тонкого.

Саня ухватился за дверцу лифта и кивнул Александру Семеновичу на вторую. Тот сделал вид, что не заметил и вообще нет его здесь. Светка заметила, хмыкнула и ухватилась за вторую дверцу сама.

– Раз, два... – Они потянули на себя створки лифта. Показалась маленькая щелочка. Тонкий увидел половину Леночкиного лица и еще кое-кого...

– Толстый, убью! – Но было поздно. Верный крыс, увидев такое дело, выбрался у Сашки из-за пазухи, лихо съехал по штанине вниз и шмыгнул в лифт.

– Саня, я больше не могу, – честно предупредила Светка и отпустила створку лифта. Тонкий тоже отпустил: створка была тяжелая, открыть без монтера – и мечтать нечего, нескольких секунд ему хватило, чтобы это понять.

– Крыса!!! – Вот Леночка с Толстым и познакомились.

Тонкий припал к створкам и завопил:

– Елена Владимировна, он не кусается! Я не хотел, он нечаянно прошмыгнул!

– Уткин! – простонала Леночка. – Выгоню! – И опять завопила свое: – Крыса!

– Заклинило, – шепнула Наташка.

– Стыдно, Уткин, – заметил Александр Семенович. Помолчал и добавил: – А вы действительно взяли на форум крысу?

– Дед взял, – буркнул Тонкий и уставился на лестницу: где этот дежурный по этажу?!

– Что, живую? – не поверил Александр Семенович.

Очень хотелось огрызнуться и сказать «мертвую», но вряд ли этот индюк оценит. Сашка молча кивнул и продолжал смотреть на лестницу.

– Где же дежурный? – включился Александр Семенович. – Пойду поищу. И ушел. А Леночка в лифте продолжала голосить:

– Крыса в диване! Уткин! Выгоню!

Ребята наперебой пытались ее успокоить, Тонкий помалкивал. Еще он подумал: уж не боится ли Александр Семенович крыс, больно быстро он ушел.

Дежурный по этажу наконец появился. Даже двое: Славик – он дежурил на этаже ребят, и старушка со второго этажа, где поселили девчонок. Они пришли вдвоем: с Лехой, но без Александра Семеновича. Славик деликатно постучал в лифт, как будто собирался войти и ждал только разрешения:

– Елена Владимировна! Марьсанна звонила Толику, он скоро будет. – Дежурная по этажу, видимо, сама Марьсанна, солидно кивнула, как будто Леночка из лифта могла это увидеть.

– Как вы там?

Леночка не замедлила нажаловаться:

– Уткин приволок мне крысу. Она сидит в диване и, кажется, что-то грызет!

– Разберемся. – Славик так посмотрел на Сашку, что стало ясно: разберется, и еще как. – Идите по своим комнатам, ничего интересного здесь нет.

Тонкий и рад бы уйти от греха, но в лифте сидел его верный крыс. Остальные тоже не торопились, а Славик не настаивал. Марьсанна пыталась повлиять на обстановку, но тоже без особого энтузиазма. Когда пришел мастер, группа поддержки у лифта не поредела, а наоборот: из комнаты вышел Серега, подоспел неизвестно где ходивший Александр Семенович.

Мастер поднялся по лестнице и сразу же начал всех разгонять:

– Ну-ка все разошлись! Мне нужно рабочее пространство.

Ребята с сожалением разошлись по комнатам, даже Славик не стал спорить, повернулся и ушел. Марьсанна рассеянно глянула на мастера из-под очков, спросила: «Где Толик?», услышала в ответ: «Я за него» – и тоже ретировалась. Серега потянул Тонкого, но тот отмахнулся:

– У меня там крыса.

– Крыса в лифте застряла? – не поверил монтер. И тут же принялся рассуждать сам с собой: – Она легкая, лифт с ней не поедет.

– Это я застряла, – подала голос Леночка. – А эти пытались открыть и запустили мне крысу.

– Вы? – мастер удивился так искренне, что Сашке показалось, будто он сейчас продолжит: «Говорящая крыса?! С ума сойти!» Но монтер ничего такого не сказал. – Брысь, молодежь! Крысу я тебе занесу.

Пришлось уходить.

Андрюха, кажется, спал, распластавшись на неразобранной кровати. Маску он так и не снял.

– Скажите, пожалуйста, какая цаца! – ворчал Серега, плюхаясь на стул. – Работать ему мешают, всем уйти и не дышать!

– Да ладно тебе, – буркнул Тонкий. Он, конечно, переживал: как там верный крыс в неравной схватке с Леночкой и монтером и что теперь будет? Леночка наверняка выгонит Тонкого с форума за то, что на экскурсии смеялся, да еще притащил в гостиницу крысу. Хотя решать, конечно, администрации гостиницы, но та тоже явно не будет в восторге.

Сергеа черкал в своем альбоме, Тонкий уселся на кровати ждать, когда монтер освободит Леночку. Было слышно, как в коридоре брякают инструменты, как ругается монтер, как визжит Леночка, как с шумом раздвигаются створки лифта и выходит на волю спасенный воспитатель.

– Большое спасибо! Я посидела за эти полчаса.

– Идите. Я еще посмотрю, что здесь не так.

Послышался стук каблуков по коридору, ближе, ближе... Леночка распахнула дверь: сейчас будет втык.

– Уткин! – Она смотрела не как математичка, получившая кнопку на стул, а как обычный человек, которому сломали жизнь. Тонкий, правда, подумал, что виноват, но Леночка продолжила как математичка и все испортила: – Уткин, пройдем ко мне в кабинет.

Тонкий молча вышел за ней, у лифта притормозил, сказал: «Извините», – и нажал кнопку вызова, надо же Толстого забрать.

– Не нажимай, там работает монтер... Работал, – поправилась Леночка, когда перед ними послушно открылся пустой лифт. – Как он быстро ушел! А говорил: надо устранить неисправность...

– Быстро устранил – быстро ушел, – бормотал Тонкий, открывая крышку дивана: где этот крыс, получать, так вместе...

В диване Толстого не оказалось, но Сашку не проведешь. Он опустился на четвереньки и, под вопли Леночки: «Потом достанешь, я тебя умоляю, я с ним в лифте сидела полчаса!» – нащупал что-то деревянное. Обработанное без зазубрин на ощупь походило на игрушку или фигурку. Тонкий вытащил это. Действительно, деревянная фигурка – медвежонок, слегка погрызенный. В ухо медвежонок с другого конца вцепился Толстый и повис, как бультерьер.

– Убери-и-и! – визжала Леночка. От визга Толстый прижимал уши, становясь еще больше похожим на злобного пса. Тонкий не мог думать больше ни о чем, только о том, как бы поскорее отнести верного крыса в номер.

– Я сейчас. – Сбегал, отнес, еле отцепил от фигурки. Саму фигурку положил в карман и только тогда подумал: что она делала в лифте под диваном?

– Твой зверь что-то спер? – Серега поднял голову от альбома и разглядывал фигурку в Сашкиных руках.

Тонкий ее продемонстрировал. Он думал, что Леночка ждет, что фигурке в лифте под диваном вообще-то не место, но этому можно найти вполне логичное объяснение. Они с Толстым приехали не куда-нибудь, а на форум молодых художников. Здесь не только мазилы, долбилы и лепилы, здесь еще и ковырялы попадают. В смысле, строгалы... Те, кто вырезает по дереву. Таскал кто-то свою работу в кармане, мало ли зачем, сел в лифте на диван, она и выпала. Надо ребятам показать, наверняка хозяин быстро найдется. Но у Сереги была своя версия:

– Знакомый зверь... Спрячь. Сейчас пойдут мастер-классы, экскурсии... В суматохе, может, и не заметят. А через неделю тебя уже здесь не будет.

– Э-э-э...

– Ты не понял, что это? – делано удивился Серега. – Не понял, *как* ты попал? Экскурсию слушал, вообще?

Тонкий потихоньку соображал, к чему клонит Серый, и становилось страшно. Если фигурка из музея, как намекает Серега, и Толстый ее стащил и испортил...

– Там замки! Сигнализация! Он нашел ее в диване лифта, точно говорю! В лифт забежал при мне, оттуда я его вытащил уже с медведем...

– Замки крысе не помеха, сигнализация, может быть, тоже. Даже если он нашел ее в лифте, то все равно испортил.

– А откуда она в лифте? – спросили ребята хором, и тут вошла Леночка:

– Уткин, я тебя долго буду ждать?

Занятый мыслями о фигурке, Тонкий уже давно про Леночку забыл. А Леночка вот напомнила. Теперь беды не миновать. Кто-то еще за крысу в лифте по шее не получил, а тут такое...

Чувствуя себя как смертник у стенки, Тонкий протянул Леночке изгрызенную фигурку:

– Крыс в лифте нашел. Правда, в лифте, я же доставал при вас. – И на всякий случай заткнул одно ухо. Оба – воспитание не позволило.

Леночка уставилась на медведя. Красивенький такой медведь, веселый, с отъеденной мордой. В лунках от крысиных зубов топорщились острые волоконца дерева. Тонкий вертел медведя перед Леночкиным носом и ковырял лунки ногтем, не сообщая, что творит.

Леночка смотрела на медведя как загипнотизированная. Видимо, она чувствовала то же, что и Сашка. И думала то же самое, а Тонкий боялся, что она будет орать. Леночка спросила спокойно-спокойно, как человек, у которого печень уже вынули, зажарили и съели, поэтому орать уже поздно:

– В лифте?

– Ага.

Леночка проявила поразительную сознательность, неожиданную для воспитателя группы. Она сказала:

– Пойдем к Олегу Николаевичу сдаваться. А потом в музей к охране... Или сперва в музей?

– Нужно догнать мастера... – вырвалось у Сашки, и через секунду он уже понял, что это и есть самая лучшая идея.

Мастера вызывала дежурная по этажу, его зовут Толик. Тонкий слышал, как Славик и Марьянна произнесли это имя. А приехал другой мастер, Марьянна его не узнала – раз.

Фигурка найдена в лифте, последний, кто там копался, это мастер и был. Он велел всем уйти, пока он работает, и первым делом выгнал Леночку, как только ее освободил. Явно хотел остаться один – два. Подозрительно быстро ушел – три.

Немного непонятно, когда он успел обокрасть музей и, если обокрал, зачем вообще пошел чинить этот лифт? Для отвода глаз? Ерунда. Его в гостинице никто не знает, если ты обокрал музей, то и беги скорее, а не засвечивай лицо, починяя лифт...

А догнать все равно надо. Если при нем ничего музейного нет, всегда можно извиниться и объяснить ситуацию. Ящик у него, кстати, был огромный, а из инструментов Сашка только монтировку и видел. В таком ящике большую картину не унесешь, а вот маленькие картинки или фигурки...

Додумывал Тонкий уже на подлете к комнате охранников. Леночка не отставала.

Они влетели синхронно, даже не застряв в дверях. На шаг отставая, за ними бежали Андрюха в своей маске монстра и Серега с Толстым в руках. Леночка держала фигурку над головой, как знамя. Тонкий крикнул:

– Догоните монтера!

А Леночка:

– Кажется, обокрали музей! – И оба замолчали, поняв, что информации достаточно.

Глава V

Преступный монтер

Охрана как раз начинала вечернюю трапезу. Охранник постарше и потолще расставлял на столе пластмассовые лотки с домашними котлетами и вареной картошкой. Лотки были крупные, охраннику пришлось потеснить разбросанные журналы. Он открыл контейнер с котлетами и снисходительно отобрал у молодого охранника пакет из «Макдоналдса»:

– Оставь свой фастфуд, поешь настоящего.

Молодой как будто только этого и ждал. Цапнув предложенную вилку, он с удовольствием налег на котлету, одобрительно мыча, как бы показывая старшему, что-таки да, настоящее лучше. Старший одной рукой взял картофелину, другой лениво разгреб стопку журналов, ища, что полистать за ужином.

Вот тут-то и ворвались ребята. Впереди – Тонкий и Леночка со своим «Догоните-монтера-кажется-музей-обокрали», за ними – Серега с крысой в руках и в хвосте – Андрюха в своей маске монстра.

Никто не подавился. Изумление охраны выдавали только глаза, круглые и большие, как шарики для пинг-понга. Мыслей в шариках не читалось, только одно короткое междометие «Ой!». И тогда Тонкий решил все объяснить.

Он объяснял, а время шло. А монтер уезжал от гостиницы все дальше и дальше. А на квадраторе охраны маячила картинка из музея: стенд с деревянными фигурками. Точнее, уже без них. Не взломанный, не битый. Просто аккуратно запертая пустая витрина с табличкой: «Михаил Андреев. Деревянная скульптура». А вон там, за стендом, кажется, картина висела. Натюрморт с яблоками восемнадцатого века. Его, как многие другие картины, привезли из музея на экспозицию, чтобы молодежь приобщалась не только к современному искусству, но и на классику иногда поглядывала. Вот сюрприз-то музеям!

До старшего охранника дошло раньше. Он рывком выдвинул ящик стола, достал ключи (от машины, должно быть) и, легко проскочив в дверь мимо Андрюхи, скрылся.

Тонкий решил, что в музее разберутся без него, что и как, вызовут наконец милицию... А вот монтера охранник мог и не запомнить, и Сашка без разговоров выскочил за ним.

В холле сидело человек десять в гражданском, завидев охранника, они на миг окружили его, потом трое из них тоже бросились к выходу.

– И меня возьмите! – выбежал Андрюха в маске монстра, а за ним Серый с крысой в руках.

Выскочив на улицу, охранник побежал вокруг здания, ребята за ним. Со стороны это походило на вечернюю зарядку в зоопарке. Охранник, похожий на медведя, впереди, Андрюха в своей маске, понятно, примат, Толстый в сопровождении Сереги... Тонкий чувствовал себя лишним. Наконец они добежали до парковки, и только тут охранник сообразил:

– У меня не лимузин, между прочим. И не школьный автобус.

Леночка и второй охранник остались в гостинице. Тонкий не верил, что в старенькую «Дэу» не влезут трое мальчишек и один охранник. Туда и монтер поместится, если они его догонят, коли уж на то пошло, те, в гражданском, уже заводили моторы двух соседних машин. Каким кортежем они поедут! Но охранник был неумолим:

– Кто запомнил монтера – давай со мной. Остальные – марш в гостиницу!

Не дав народу опомниться, Тонкий первым шмыгнул на заднее сиденье. За ним – Серега с Толстым. Андрюха зябко поежился и, должно быть, решил, что для приматов сейчас холодно, и побежал обратно в гостиницу. Охранник завел мотор и уныло глянул в

зеркало на Тонкого и Серегу. «Все равно что-то много народу, – читалось в его глазах. – А вдруг этих монтеров двое или целая банда? Куда я их всех посажу?»

Они выехали на единственную расчищенную дорогу, и Тонкий тихо обрадовался: не уйдет монтер, потому что просто некуда. Сугробы по колено, если ты не в санях с бубенчиками, то свернуть с дороги – нечего и мечтать. За ними ехал еще целый кортеж охраны. Правильно, для таких картин двух охранников мало. И двенадцати-то мало оказалось...

Фары освещали грязный снег. Серега и, кажется, охранник вглядывались в этот снег с такой тщательностью, будто монтер в нем и окопался. Тонкий смотрел на них, по сторонам, на дорогу и немножко – назад. Из-под колес летел снег и смешивался с клубами дыма из выхлопной трубы, как будто из дороги выбивают пыль.

На обочине росли сугробы и редкие кусты-зонтики, а вон там – вмятина на снегу, как будто валялся какой-то крупный зверь. Похоже, он и сейчас там лежит...

– Стойте!

Охранник уже затормозил. За ним затормозили другие машины, и охрана дружным муравейником высыпала на сугроб. Тонкий уже разглядел, кто там лежит под кустом. Последним сориентировался Серега, он вылез из машины, когда Сашка с охраной уже сидели на снегу рядом с парнем. А парень лежал. В свете мигающей «аварийки» было видно, какой он бледный. Парень поднял голову (в сознании – уже хорошо), Тонкий увидел кровь на снегу.

– Живой?! – обрадовался охранник. – Кто тебя так, Толик?

Тонкий вздрогнул, услышав знакомое имя, и сразу понял: парень на снегу и есть тот монтер Толик, которого ждали сегодня и вместо которого и приехал ТОТ монтер. Вот, кстати, и его инструменты – на снегу валяются.

– Он застрял, попросил помочь... – бормотал Толик, пытаясь подняться.

– Лежи-лежи. Кто?

– Мужик, – коротко ответил Толик. – А потом – по башке мне.

Тонкий уже все понял и терпеливо рассматривал парня и валяющиеся на снегу инструменты. За спиной кто-то уже звонил в «Скорую», так что делать было особо нечего. Бандит забрал у Толика только форменную куртку, ящик для инструментов и, может быть, монтировку. Правильно: что еще нужно, чтобы проникнуть в гостиницу под видом мастера и вынести музейные экспонаты. Но лифт? Почему он пошел в лифт?

– Как он выглядел? На чем приехал? – доставал парня охранник.

Серега с Толстым сочувственно ковырялись в снегу. Тонкий тихо бесился: парня в больницу везти надо, а не чинить допросы и не ждать «Скорой» в чистом поле. Хотя, может, его трогать нельзя? Все равно слушать этот допрос было противно.

Но интересно. Толик, даром что с пробитой головой, описал монтера как он был и добавил, что приехал тот на джипе «Тойота». Хотя все равно ерунда. Машину наверняка засекли уличные камеры.

– Я не видел, как он подъехал, – поделился охранник, и Тонкий мысленно поправился: «Не засекли». Ну правильно: дурак, что ли, этот монтер? Оставил машину метрах в пятидесяти да прогулялся пешочком...

«Аварийка» мигала, парень становился все бледнее, Серега молчал, Толстый скакал по снегу. Охранники наперебой задавали глупые вопросы. Дорогу осветили фары – «Скорая»? Она. Бригада в синих робах шустро сгребла Толика на носилки и увезла. Быстро. Хорошо. А что теперь?

Кажется, этот вопрос волновал не только Сашку. Охранник рассеянно посмотрел вслед отъезжающей «Скорой» и потянулся почесать в затылке, но смутился, перехватив Сашкин взгляд.

– Может, еще догоним? – спросил Серега. – Марку машины вы знаете...

– Может, и догонят. – Охранник кивнул на два джипа, которые поехали дальше за «Скорой», потом нырнул на водительское сиденье, чтобы выгнать машину из сугроба (пропускал «Скорую»), газанул и, конечно, застрял.

– Толкайте, сыщики! – велел он.

Тонкий навалился на багажник, Серега – тоже. Толстый скакал вокруг: и лапы мерзнут, и по снежку поскакать хочется. Машина застряла крепко. Тонкий подумал, что она давно застряла: еще когда охранник выпускал «Скорую». Поэтому он и чесал в затылке, соображая, что делать дальше.

Эта апатия передалась всем. Охранник лениво обошел машину, достал лопату и начал неторопливо, даже со вкусом откапывать колесо. Серега отловил Толстого и теперь грел его под курткой, от нечего делать пересчитывая крысиные усы. Тонкий вообще ничего не делал, и это сводило его с ума.

Совсем рядом, метрах в пятидесяти, шумел лес. Нет, вора там делать нечего. Зачем прятаться рядом с местом преступления, когда ты на колесах? Сел и уехал себе, подальше от милиции, поближе к барыге, который скупает краденое. Интересно, как он выглядит? Кто вообще скупает краденые предметы искусства? Это ж не ноуты и не машины, которых сотни тысяч каждой модели? Картина или там фигурка – одна, и она узнаваема, в журналах фотографии печатают, и вообще... Есть, конечно, копии, но все равно...

А еще: почему не картины – Петракова, например? Почему фигурки малоизвестного мастера, которого помнят только в музее на родине? А из по-настоящему дорогих экспонатов унесли только натюрморт с яблоками. Непонятно.

Зато машину откопали.

Охранник зашвырнул лопату в багажник и кивнул ребятам: «Садитесь». Тонкий запрыгнул в теплый салон и подумал, что вор в куртке монтера – товарищ вообще загадочный. И фигурки-то простецкие взял вместо дорогих картин, и в лифт его зачем-то понесло, когда он, ограбив музей, мог спокойно ехать на все четыре стороны. Тогда бы и кражу обнаружили на следующий день, а не через несколько минут. А кстати, почему кражи никто не видел?

В камерке охранников от монитора особо не отвернешься. Вот дверь, вот стулья, вот стол и над ним – квадрат. Не захочешь, а будешь смотреть на него всю смену, потому что некуда больше! А сколько охраны в холле?! Эти в гражданском, они не из-за любви к искусству сорвались в погоню!

Тонкий набрал воздуха в легкие, прикинул: охранник за рулем, он, Тонкий, на заднем сиденье... Нет, затрещину не даст, не дотянется. А раз не дотянется, то можно и спросить:

– А вы на квадраторе ничего такого не видели?

Охранник с размаху двинул кулаком по сигналу, буркнул себе под нос, кажется, ругательство (как предсказуемы люди!) и рявкнул:

– Нет!!! Я целый день на этот экран таращусь, а увидел только пустую витрину, когда вы пришли. Призрак он, что ли... Мал еще старшим замечания делать!

– Я разве делаю? – невинно спросил Тонкий. – Просто любопытно, как в детективе, загадочное ограбление музея...

– Загадочное ограбление! – передразнил охранник. – Мы не музей, а гостиница, я не обязан стеречь эту кучу старья. А эти только по холлу разгуливают и вообще ни черта не видят!

Про «этих» Тонкий понял – охрана в холле.

– Я и не уходил никуда. – Охранник уже остыл и бубнил себе под нос: – Только это... Когда рвануло!

Тонкий увидел в зеркале физиономию охранника. Лицо было такое, как будто сейчас он ударит по тормозам, выскочит из машины и начнет биться головой о капот с криком «Эврика!». Подумал: «Чего это он?» – и до него тоже начало доходить.

Ребята взорвали во дворе петарды, гостиничная охрана побежала на взрыв. Побежала в полном составе: оба охранника сорвались с места, оставив без присмотра квадратер. Наверное, это неправильно, нарушение инструкции и все такое... Но, видимо, они понадеялись на охрану из холла. Где была она – второй вопрос. Скорее всего, на месте, но это неважно, потому что у нее-то квадратера как раз нет. В это время и могла произойти кража. Теоретически. А практически лифт сломался где-то через час, а мастер пришел через полтора... Не получается. И еще: почему у мониторов сидела гостиничная охрана, а не та, которую затем и пригласили, чтобы картины охранять?

«Потому что все мониторы – и музейные, и гостиничные – в одной комнате, – ответил сам себе Тонкий. – А стула там только два. Лишний охранник бы не поместился. Не очень-то гостиница была готова принять такую гору экспонатов и охраны».

– Не, лифт только через час сломался, – запоздало реабилитировался охранник.

– А больше вы не выходили? – позлил его Тонкий. Специально позлил, может, сгоряча вспомнит еще что-нибудь полезное.

Но охранник не разозлился и сказал: «Нет». Так и приехали все тихие, задумчивые во двор гостиницы, жизнерадостно освещенной мигалками милицейских машин.

Глава VI

Не догнали

Никто не спал. Глупо было бы спать, когда тут такое. Милиция и охрана в гражданском сновали по холлу и старательно наводили порядок:

– Не толпиться, всех вызовем. Без родителей не подходить.

Комнату-музей оцепили, не было возможности заглянуть даже в дверной проем, уж слишком много оказалось желающих. Милиция ругалась и всех разгоняла. Все расходились, но подходили следующие... Все-таки в гостинице много народу.

На диване у входа в скорбной позе страдальца сидел Александр Семенович. Рядом с ним – девчонка с крошечным цифровым диктофоном. Пресса? Здесь? Тонкий разглядел девчонку и вспомнил: она ехала с ними еще в автобусе. Ну правильно, разве может такое мероприятие обойтись без прессы? Она небось сама не ожидала, что форум молодых художников окажется настолько интересным. Вон кража в первый же день!

Александр Семенович трагически разводил руками и вещал на весь холл:

– Я думаю, это происки террористов! Ведь пропал не натюрморт Петракова, не пейзаж Корсакова. – Он сделал трагическую паузу. – Пропала скульптура «Дружба народов» Заболотского. Заболотский – это я, – добавил он, повернувшись к публике: Тонкому, Сереге и подошедшей Светке.

Тонкий смутно припомнил, что звероящер «Дружба народов» раньше стоял у стенда с деревянной скульптурой. На выставке он еще видел дракона, на квадраторе – уже нет. Стало быть, еще одна пропажа.

– Что это, как не терроризм, я вас спрашиваю?! – вещал Александр Семенович.

Пафоса было столько, что Сашка и не усомнился: Александр Семенович страшно гордится, что похищены не работы всемирно известных художников, а его, любимого. Ну и еще пейзаж восемнадцатого века и деревянная скульптура. Подумаешь, какие мелочи! Интересно, ему самому-то пропажа не кажется странной? Или этот индюк считает, что так и надо и что у воров в отличие от искусствоведов есть вкус? Он так и спросил:

– Вам не кажется это странным?

Александр Семенович повернулся к нему всем корпусом и скорбно отвечал:

– Мне кажется странным, что молодые люди вроде вас лезут не в свое дело и перебивают старших.

Понятненько.

– Индюк в своем репертуаре, – шепнул Серый Тонкому и Светке, и ни у кого не возникло возражений.

– Народ! – Охранник, с которым Сашка и Серый ездили искать вора, стоял у своей комнатухи и делал знаки подойти.

– Санек! Вот ты где, я тебя ищу... – А это дед. Материализовался. Вроде спать уходил, хотя разве тут уснешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.